

СТРАНИЦЫ БЫЛОГО. ЯЛТА — ПОТСДАМ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИИ УЧАСТНИКА ЯЛТИНСКОЙ И ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)*

Н. Г. Кузнецов, Герой Советского Союза

Конференция в Потсдаме

После Крымской конференции события стали разворачиваться быстрее, чем ожидалось. Наши войска уже двигались к Берлину, окружая город. Боясь опоздать даже к «шапочному разбору», туда же спешили и союзники.

В конце марта 1945 г. я выехал на Балтийский флот. В Либаве еще держалась курляндская группировка немцев, а наши части, отрезав этот участок, готовились к атаке Кенигсберга.

Мы с командующим флотом адмиралом В. Ф. Трибуцем на машинах проехали из Таллина в Ригу, а оттуда в Паланген.

Торпедные катера и подводные лодки наносили удары по конвоям противника. Немецкая армия, потеряв последнюю надежду на спасение, еще цеплялась за некоторые рубежи, но наступление советских войск стало неотвратимым, и капитуляция Германии была уже близка. В апреле наши части сломали последние организованные попытки сопротивления немецкой военной машины.

8 мая была подписана безоговорочная капитуляция фашистской Германии, и Указом Президиума Верховного Совета день 9 мая объявлен праздником Победы. Под салют в честь победы над Германией войска 1-го Украинского фронта 9 мая освободили Прагу. Сдавались последние разрозненные части в Либаве и Виндаве. В этот же день были учреждены медали за взятие Берлина, Кенигсберга, за освобождение Белграда, Варшавы и Праги.

Война в Европе закончилась. Однако Япония еще упорно сопротивлялась.

Май прошел в обстановке исключительного подъема в связи с только что одержанной победой. Повсеместно велась подготовка к параду в честь этого знаменательного события. Решение о параде состоялось в начале июня. На одном из совещаний в Кремле, где довелось присутствовать и мне, кто-то подал мысль, что было бы неплохо, по примеру того, как отмечались крупные победы в прошлом, устроить в честь победы парад в Москве. Помнится, мысль эта понравилась сразу же и через несколько дней дело было уже на ходу.

Мы, моряки, готовили к параду сводный полк, который под командованием вице-адмирала В. Г. Фадеева — героя борьбы за Севастополь — прошел 24 июня перед Мавзолеем В. И. Ленина на Красной площади. Погода выдалась дождливая, но настроение было у всех превосходное. Парадом командовал маршал К. К. Рокоссовский. Кульминационным, незабываемым моментом были те минуты, когда советские воины бросали поверженные вражеские знамена к подножию Мавзолея. Казалось, вот теперь навсегда покончено с фашизмом. О настроении, царившем в этот день по всей Москве да и стране, нет нужды говорить.

После окончания парада высокое начальство задержалось в небольшом зале, у самой Кремлевской стены. Туда обычно было принято заходить, чтобы погреться в ненастную погоду во время парадов и демонстраций в дни 1 Мая и 7 Ноября. Но на этот раз традиционный порядок оказался нарушенным: все без исключения до самого конца стояли на трибуне Мавзолея, а потом так же дружно спустились вниз и зашли

* Начало см. в № 4 за 1965 год.

в это помещение. Получился импровизированный банкет. В помещении, не рассчитанном на большое количество людей, было тесно. Все, кто как мог, примостились около стола, установилась непринужденная, необычная для того времени атмосфера. В центре внимания, конечно, был Сталин. Все успехи и победы приписывали только ему. Отмечая, как и положено в такой день, его заслуги, выступавшие, однако, явно их преувеличивали.

Вот здесь и поступили предложения о присвоении ему звания генералиссимуса, о награждении орденом Победы и присвоении звания Героя Советского Союза. Для одного дня было, пожалуй, многовато, но тогда, в условиях победы, это не казалось ненормальным.

Мне особенно запомнилось другое. Когда многочисленные тосты сделали свое дело и настроение еще больше поднялось, слово взял Сталин. Он поблагодарил присутствующих за оказанную ему честь и пожелания долгих лет жизни и, заметив, что ему идет уже 67-й год, неожиданно заговорил о том, сколько лет он еще сможет оставаться на своих постах. «Что же, я еще два-три года поработаю, а потом должен буду уйти» — таков был смысл его выступления. Я не берусь судить, были ли эти его слова искренними, или просто он хотел увидеть, какой эффект произведет на окружающих столь необычное заявление. Как и следовало ожидать, раздались голоса, что он будет еще долго жить и руководить страной. Сталин не настаивал на своем. Официальную просьбу о частичном его освобождении я услышал еще раз позднее — в 1952 г. — на Пленуме ЦК КПСС, после XIX съезда партии. Тогда он был освобожден от поста министра обороны, но главные должности в ЦК партии и Совете Министров он оставил за собой. Но тогда его уход был уже крайне необходим.

Но вернемся к теме.

Вскоре после парада Победы стало известно о предстоящей Потсдамской конференции и о том, что она состоится во второй половине июля 1945 года.

14 июля мне, как члену делегации, предстояло вылететь в Берлин. Назначив очень ранний час вылета, я еще в сумерках приехал на Центральный аэродром. Недалеко уже с прогретыми моторами стоял самолет «Дуглас». Хотя было еще темновато, но меня удивило, что летчик по ошибке начал рапортовать стоявшему рядом со мной адмиралу Л. М. Галлеру. Оказалось, что он уже давненько скрывает ухудшение зрения. Менять его тут же мне не хотелось, и я, выждав 10—15 минут, когда поле аэродрома стало хорошо просматриваться, приказал заводить моторы.

Самолет легко оторвался от бетонной взлетной полосы и, развернувшись, взял курс на запад. Мне вспомнилось, как несколько лет тому назад с этого же аэродрома и тоже с посадкой в Берлине я пробирался в Испанию. С тех пор прошло менее десяти лет, а сколько утекло воды! Гитлер тогда — в 1936 г. — только делал первые шаги на пути к завоеванию «жизненного пространства». Теперь немецкая армия, испытав радость легких побед в Европе, была разгромлена Советскими Вооруженными Силами.

Мы летели на небольшой высоте. Великие Луки, Каунас. Из кабины самолета можно было заметить лишь крупные разрушения городов, в остальном же привычная картина: видны железные дороги, узкие полоски шоссе, вьющиеся змейкой речки. Пока летели над территорией Литвы, поля и леса перемежались в беспорядке, без четко выраженных границ. Но стоило пересечь довоенную границу Германии, как вся поверхность земли вдруг превратилась в правильные прямоугольники и треугольники. Чувствовалась немецкая аккуратность и точность. По мере приближения к столице Германии все больше автострад сходилось в воображаемой точке — Берлине. Нам предстояло сделать посадку на Берлинском аэродроме.

Мне хорошо запомнилась обстановка на немецких аэродромах в 1936 году. Совершая тогда посадку, мы опасались провокаций. «Лучше держаться вместе», — советовал мне более опытный товарищ, летевший в Париж. Четким шагом, по-военному ходили около самолета немецкие полисмены. «Хайль Гитлер», — слышалось то и дело на аэродроме. Германия в угаре военной пропаганды тогда на всех парах неслась к военной катастрофе. Теперь фашисты капитулировали, и на аэродроме Темпельгоф, где мы сидели, стояли советские самолеты, а прием их обеспечивали наши бойцы.

С аэродрома мы отправились в Бабельсберг, где были отведены помещения для делегаций трех стран, а древний деревянный замок — для встреч глав правительств.

Машина ехала предметями Берлина. Много зелени и озер. Это обычно дачные места. Разрушения не так заметны, и только проезжая через г. Потсдам, мы

увидели целые кварталы в руинах — следы последних бомбежек американской авиации.

Вот и район, выбранный для конференции. Здесь все приведено в порядок. Дороги починены, отремонтированы помещения для делегаций. Можно было подумать, что война прошла мимо этого участка, вовсе не затронув его, как бы в предвидении того, что он потребуется для целей мирной конференции стран антигитлеровской коалиции.

Со мной были начальник Главного морского штаба адмирал С. Г. Кучеров и несколько офицеров. Представитель советской комендатуры проводил нас в отведенные нам помещения. В нескольких километрах от старого деревянного дворца в Бабельсберге было расположено много хорошо сохранившихся особняков или дачных домов, которые и приспособлялись для союзных делегаций. Только легкие шлагбаумы, охраняемые отборным караулом, служили разграничительной линией между советской, американской и английской зонами. На мою долю достался небольшой двухэтажный особняк с фасадом на улицу. Маленький садик окружал этот дом, видимо, когда-то служивший местом отдыха крупного немецкого чиновника или бюргера.

До конференции оставалось еще три дня. Организовав подготовительную работу своего аппарата, я со «старыми берлинцами» из Днепровской флотилии, корабли которой дошли вместе с фронтовыми частями до самого Берлина, решил проехать по памятным местам немецкой столицы. Как было не посетить знаменитую канцелярию Гитлера или то место, где, как предполагалось, он был сожжен! Здание рейхстага, Бранденбургские ворота и Унтер ден Линден были осмотрены в первую очередь. Посмотрел я и особняк, приготовленный командованием Днепровской флотилии для морской группы нашей делегации. В нем мне довелось быть всего несколько раз, останавливаясь там проездом в Берлин. Как оказалось, он принадлежал чете Адлон — владельцам известных в Европе фешенебельных отелей. Построен он был на берегу озера, имел гараж для автомашин и крытую стоянку для катеров. К этому времени, правда, особняк не избежал «внимания» проходящих частей, но крупных следов разрушения не было. Сам Адлон не вынес поражения Германии: за два месяца до вступления наших частей в Берлин он скончался. Его жена оказалась более крепкой старухой. Она быстро пришла в себя после капитуляции Германии и в дни конференции жила где-то рядом со своим владением, навеваясь к воротам особняка, по-хозяйски поглядывая, не портится ли что-нибудь в ее доме. О дальнейшей судьбе своего недвижимого имущества она точно не знала, но с каждым днем все смелее заговаривала с нашей охраной. Казалось, она вот-вот предъявит свои «законные» права на особняк и потребует арендную плату.

Так в приятном ничегонеделании прошло два дня. За это время почти вся советская делегация и ее аппарат были на месте. Увидев случайно прибывшего в один день со мной А. Я. Вышинского, я пытался узнать предполагаемый порядок на конференции. Но, как всегда, крайне осторожный, он ограничился лишь общими фразами. Встретился я и с маршалом Г. К. Жуковым, который посоветовал, что лучше всего посмотреть в окрестностях Берлина и как туда проехать.

16 июля ожидалось прибытие в Берлин советских руководителей. Встречать их на Потсдамском вокзале должны были маршал Г. К. Жуков, А. Я. Вышинский и я. Оцепленный кругом вокзал был совершенно пуст. Среди разрушенных зданий выделялся огромный, заново отремонтированный перрон. На нем стоял небольшой столик и три телефона. Это был своего рода командный пункт. Вот здесь-то мы и расположились. Был жаркий день. До прихода поезда оставалось 30—40 минут, но все уже были «на чеку», а военный комендант железной дороги аккуратно, через каждые 3—5 минут, докладывал о месте нахождения специального поезда.

В ожидании поезда мы беседовали. То и дело звонили телефоны, слышались приказания. В последний раз с линии сообщили, что состав подходит.

Время прибытия начальства приближалось, и мы все чаще посматривали в сторону семафора: не идет ли поезд? В назначенный час паровоз со специальным составом, пофыркивая, подошел к платформе.

В тот же день приехали главы других делегаций. Вечером состоялись первые встречи и знакомства. Аппарат работал с полной нагрузкой. Готовилось открытие конференции.

К этому моменту все очаги сопротивления в Европе были подавлены. Союзники встретились на Эльбе. Теперь, не дожидаясь окончания войны на Тихом океане, следовало определить цели пребывания союзных войск на территории Германии. До сознания немецкого народа нужно было довести идеи, лежащие в основе предстоящего преобразования Германии на демократических, миролюбивых началах, гарантирующие невозможность возрождения прусского милитаризма и создания очага новой войны.

Только что одержанная в Европе победа накладывала отпечаток на весь ход конференции. Она происходила теперь не в Тегеране или Крыму, а в столице разгромленной фашистской Германии.

В нижнем этаже дворца Бабельсберг был приготовлен зал, в который из разных дверей должны были одновременно войти главы делегаций.

Союзникам предстояло наметить пути послевоенного устройства мира, впервые серьезно испытать те отношения, которые сложились в годы войны. Теперь — двадцать лет спустя — мы хорошо знаем, какие трудности возникли на этом пути и кто повинен в том, что в Западной Германии вновь поднимают голову силы реванша и войны. Реакционные круги западных стран, и в первую очередь США, в своих стремлениях превратить Федеративную Германию в орудие своей экспансии против социалистического лагеря нарушили одно за другим все Потсдамские соглашения и встали на путь поощрения возрождающегося реваншизма и милитаризма в Западной Германии. Но тогда, в июле 1945-го, никто бы не поверил, что через такой короткий срок немецкая военщина будет рваться к кнопкам управления ракетно-ядерным оружием и найдет в этом поддержку именно у тех, кто торжественно провозглашал еще на Крымской конференции необходимость «раз и навсегда» покончить с милитаризмом в Германии и всем тем, что его порождает.

По своему составу Потсдамская конференция на первом этапе мало отличалась от Крымской. Делегации Советского Союза и Великобритании были почти те же. Учитывая намеченные через неделю выборы в Англии, на конференции вместе с У. Черчиллем присутствовал и К. Эттли, лидер лейбористов, хотя многие как в Европе, так и за океаном считали победу консервативной партии на этих выборах почти обеспеченной. Об этом с уверенностью говорили также Черчилль и Трумэн, но тот и другой ошиблись. Английский народ, ожидавший решительных реформ и улучшения своего положения, проголосовал за лейбористов. Когда стало известно о поражении консерваторов, Черчилль, обиженный этим, заявил, что «ни одного лишнего часа» не останется у власти, а Трумэн назвал результаты выборов «трагической демонстрацией неблагодарности избирателей». Короче говоря, К. Эттли, прибывшему на конференцию вместо Черчилля, пригодились знание тамошней обстановки.

Место умершего Ф. Рузвельта на конференции занял Г. Трумэн, прибывший в Берлин с новым государственным секретарем Д. Бирнсом. Но военными советниками у американцев были те же люди, и я вновь встретился с адмиралом флота Леги — начальником штаба нового президента — и адмиралом флота Э. Кингом — главнокомандующим военно-морскими силами США.

Точно в назначенный час, во второй половине дня 17 июля, главы делегаций вошли с разных сторон в зал и заняли свои места за круглым столом. Слева от нашей делегации расположилась делегация США, а справа — представители Великобритании.

Фотокорреспонденты, естественно, старались запечатлеть этот торжественный момент и под разными ракурсами снимали конференцию, наводя объективы то в одну, то в другую сторону. Вспышки «блицев» и шелканье фотоаппаратов продолжались бы до вечера, если бы вездесущих и назойливых журналистов и фотокорреспондентов не попросили оставить помещение. Однако от них не так-то просто было отделаться. Они по-прежнему, порой переходя рамки приличия, сновали вокруг дворца, не стесняясь, останавливали машины и ломались буквально во все двери. По словам Черчилля, их было более 180. Помнится, Сталин возмущался поведением журналистов, и 18 июля был поставлен на конференции вопрос о том, как «справиться» с ними. Трумэн целиком поддерживал мысль о том, что на допуск журналистов следует ввести строгие ограничения, а Черчилль, видимо, с учетом надвигавшихся выборов, напротив, «заступался» за них и заигрывал с представителями прессы. Однако все же было решено: «журналистов впредь во дворец не пускать, и к этому вопросу больше не возвращаться».

Началась деловая часть конференции.

Сталин первый взял слово и внес предложение поручить председательствовать на первом пленарном заседании президенту Трумэну. Черчилль не возразил, и Гарри Трумэн взял на себя бразды правления.

Уже с первых шагов конференции нельзя было не заметить, с какими огромными трудностями встретятся руководители трех держав в решении ряда вопросов. Такими были среди прочих управление Германией в период оккупации, установление ее новых границ и размеров репараций. Уже тогда обозначались острые углы и разногласия, которые не позволили с полной ясностью зафиксировать все решения конференции. Как и на Крымской конференции, разногласия, на мой взгляд, тогда острее чувствовались между Советским Союзом и Англией, чем между СССР и США.

От этих общих замечаний перехожу к особо интересовавшему меня вопросу — о разделе трофейного немецкого военного и торгового флотов.

На одном из первых пленарных заседаний, пожалуй, еще во время уточнения повестки дня конференции, возник вопрос о трофейном немецком военном флоте. Черчилль болезненно воспринял наше предложение разделить его на три равные части. Он мотивировал ошибочность такого подхода тем, что англичане больше всех понесли потерь от немецких кораблей и особенно подводных лодок и поэтому вправе претендовать на львиную долю оставшегося немецкого надводного и подводного флотов. К тому же ему не хотелось расставаться с трофейными немецкими кораблями, большая часть которых оказалась к концу войны задержанной в портах Англии или оккупированных ею военно-морских базах Германии, Дании, Норвегии. В качестве довода он приводил и моральный фактор. Передача немецкого флота Англии, по его словам, законно удовлетворяла бы общественное мнение населения Британских островов, так страдавшего от нападения немецких подводных лодок на английские военные и торговые суда. Глава американской делегации Трумэн молчал, как бы желая подчеркнуть, что США не особенно заинтересованы в получении старых немецких кораблей. По-иному отнесся к английской точке зрения глава советской делегации. Он, казалось, вернулся к своей довоенной идее создания крупного советского флота. Еще в дни Крымской конференции он обратился к Рузвельту с просьбой о передаче двух крейсеров Советскому Союзу. Откровенно говоря, я тогда удивился этому. Как и следовало ожидать, президент США формально не отклонил просьбу Сталина, но предложил нам столь древние посудины, что от них пришлось любезно отказаться. Теперь, на Потсдамской конференции, у нас были все основания претендовать на законную треть трофейного немецкого флота.

Как и во многих других случаях, спор завязался в основном между Сталиным и Черчиллем. Мне до этого никогда не приходилось видеть этих двух высоких руководителей столь рассерженными. Если Сталин во время полемики сидел, то Черчилль, не выдержав, встал и, покраснев, бросал резкие реплики. Единственным выходом было отложить решение этого вопроса до лучших времен. Так и сделали. Затем перешли к другим проблемам, но флотский вопрос так и оставался открытым.

Шли дни за днями. Пленарные заседания чередовались с совещаниями министров иностранных дел, занимавшихся выработкой решений. Главы делегаций устраивали по очереди приемы и короткие встречи между собой. Об одной встрече-приеме мне хочется рассказать. Это было 25 июля. В особняке, занимаемом Черчиллем, собрались главы делегаций и их ближайшие помощники — члены делегаций и некоторые работники аппарата.

То был канун выборов в Англии, и Черчилль вместе с Иденом собирался утром следующего дня вылететь на родину. Как я уже говорил, тогда ни у кого не было сомнений относительно того, что премьер-министр, успешно закончивший войну, вновь будет переизбран. Но, несмотря на личный авторитет в Англии самого Черчилля, консервативная партия подвергалась резким нападкам со стороны лейбористов, которые активно наступали, обещая народу проведение ряда прогрессивных мероприятий.

В тот вечер многие желали Черчиллю успехов на выборах и предсказывали короткое расставание — на 2—3 дня. Как-то необычно долго засиделись. От обеденного стола перешли в соседнюю комнату и даже музицировали. Трумэн сел за рояль. Кто-то попробовал петь. Обменивались автографами.

Рядом со мной во время обеда сидел американский адмирал Э. Кинг. Беседовали с помощью дочери Черчилля, миловидной Мэри, говорившей по-французски. Сначала

речь шла о разном. Потом я постарался заручиться согласием Кинга на раздел немецкого флота на равные части. «Меня это мало интересует»,— ответил Кинг и, показывая на сидевшего напротив английского адмирала Кэнингхэма, посоветовал поговорить именно с ним, обещая со своей стороны «благожелательный нейтралитет».

Утром следующего дня английские руководители вылетели в Лондон. В Потсдаме ожидалось первые сведения о результатах голосования. Они начали поступать вечером, когда глава нашей делегации принимал польских гостей во главе с Миколайчиком. Уже первые сводки показали, что консерваторов, а с ними и Черчилля постигло поражение.

После трехдневного перерыва конференция продолжила свою работу. Вместо Черчилля и Идена за столом заседаний заняли места К. Эттли и Э. Бевин.

Так как договоренности по вопросу о трофейном немецком флоте все еще не было и после прибытия на конференцию К. Эттли, то этот раздел в «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» оказался очень неконкретным. Он был сформулирован следующим образом: «Конференция согласилась в принципе относительно мероприятий по использованию и распоряжению сдавшимся германским флотом и торговыми судами. Было решено, что три правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов. Следующее совместное заявление будет опубликовано одновременно тремя правительствами в надлежащее время».

Нетрудно заметить, что если к этой общей формулировке не добавить более конкретной договоренности, то вся проблема раздела трофейного флота могла повиснуть в воздухе. Этого, собственно, и добивались англичане. Наше мнение было диаметрально противоположным.

Нужно было ковать железо, пока оно горячо. Пользуясь случаем, я доложил главе советской делегации о беспокоивших меня опасениях. После разговора с Кингом на приеме у Черчилля я, по существу, заручился его согласием не препятствовать делению немецкого флота на три равные части. Англичане оставались основными «противниками». Новый глава английской делегации, К. Эттли, прибывший вместо старого премьера, разумеется, не собирался делать каких-либо уступок. Присутствовавший на конференции с самого начала¹, Эттли, конечно, знал о резких разногласиях между Сталиным и Черчиллем и был на стороне последнего.

В результате договоренности в верхах по этому поводу в предпоследний день состоялось совещание военно-морских экспертов в присутствии дипломатических советников. Это совещание уже не могло кардинально исправить или даже дополнить упомянутую ранее формулировку, записанную в проект сообщения о конференции, но открыло дорогу для деятельности исполнителей, которым поручалось на месте произвести раздел трофейных кораблей и направить их по своим базам. Без договоренности по этому вопросу дело могло остановиться на месте.

Об этом совещании следует сказать несколько подробнее.

Оно состоялось вечером 31 июля. На нем присутствовали Кинг, Кэнингхэм и я. Кроме того, там находились начальники штабов или их заместители, по одному представителю от министерства иностранных дел. Первым формальным вопросом, естественно, было, кому вести совещание. Э. Кинг назвал мою кандидатуру, мотивируя это тем, что адмирал Кузнецов, мол, старше остальных по чину, поскольку он еще и морской министр. По-моему, объяснялось это гораздо проще и прозаичнее: нежеланием брать на себя неблагодарный труд председателя в трудной ночной дискуссии.

Видя в этом некоторый шанс на успешное решение вопроса, я согласился, но шутя заметил, что возьмусь за почетное дело только при одном непременном условии. Взоры обратились ко мне: что за условие? «Мы не выйдем из этого помещения, пока не решим вопроса»,— улыбнувшись, ответил я. Все рассмеялись, приняв мое предложение.

Как и ожидалось, американский представитель не проявил большого интереса к проблеме. Англичане, наоборот, оказались весьма заинтересованными. При этом не-

¹ Эттли, присутствуя на конференции, с самого начала не хотел принимать ответственность за решения Черчилля и взял на себя функции советника только после того, как Черчилль уверил его, что тот не будет нести никакой ответственности.

обходимо заметить, что даже английский адмирал Кэнингхэм не проявлял в этом вопросе того упорства, которое обнаружилось у дипломатического представителя Робертсона. Это понимал и сам Робертсон. Уже год или два спустя он как-то на приеме в Москве подошел ко мне и предложил выпить тост за «умелое ведение совещания», признав тем самым свое поражение. Я с удовольствием осушил бокал. Треть трофейного немецкого флота к тому времени была уже в наших военно-морских базах.

Сославшись на принципиальное решение глав правительств, я настаивал на выработке таких предложений по этому вопросу, которые позволили бы в дальнейшем только уточнить на месте некоторые детали. Англичане явно хотели затянуть решение. Они ставили палки в колеса, пытались доказать, что невозможно разделить на три равные части немецкие корабли, поскольку среди них всего один линкор, два крейсера и т. д.

Сначала долго толкли воду в ступе, но к согласию так и не пришли. Я видел, как скучал Кинг, и он, пожалуй, готов был рассердиться на предложенного им же самим председателя. «Пусть наши представители сначала на месте осмотрят корабли и доложат свои предложения», — настаивали англичане.

Казалось, дело совсем зашло в тупик. А мне было ясно сказано: постарайтесь добиться четкого решения. Но как? И я высказал следующее. На три абсолютно равные части флот, видимо, разделить действительно нельзя. Да и имеет ли смысл добиваться такой особой точности? В то же время, очевидно, никто не согласится на меньшую часть. Как быть? Давайте примем такое решение, заключил я: поручим нашим представителям сначала разделить корабли на три приблизительно равные группы и затем решим вопрос жребием.

Кинг, уже готовый на любой вариант, лишь бы скорее разойтись, кажется, обрадовался такому предложению и, не задумываясь, одобрил его. Англичане еще кое-как сопротивлялись, но деться было некуда. На том и порешили.

Для меня самым важным было одно: договорились делить флот. О нашем принятом решении мы должны были доложить руководству что-то часам к 12 следующего дня.

Усталые, мы разошлись, когда на дворе было уже совсем светло. Я был доволен, что решение достигнуто, но опасался: как-то отнесется начальство к моему предложению? Кидать жребий! Но что сделано, то сделано. Не без волнения ожидал я встречи со Сталиным на другой день. «Что, удалось вам разделить флот?» — спросил он меня. Я начал робко и издалека, объясняя, как долго сопротивлялись англичане и как в конце концов я вынужден был пойти на такой необычный способ, чтобы не откладывать вопрос в долгий ящик. Но, видимо, попал в добрый час. Сталин ничего мне не ответил, но и не выругал, поэтому я истолковал его молчание как доброжелательное отношение к моему поступку.

В большой спешке, уже накануне закрытия конференции оформлялось наше решение о делении трофейного флота.

В сообщении о Берлинской конференции трех держав выработанное решение нашло отражение в куцей формулировке: «Конференция согласилась в принципе относительно мероприятий» и т. д. Она не раскрывала тех мер, которые были нами выработаны, и тех «согласованных принципов», вокруг которых военно-морские специалисты сдвинули столько копий. В дальнейшем главнокомандующие флотами своими указаниями существенно конкретизировали вопрос о разделе флота.

По нашим предложениям тогда было решено немедленно создать тройственную военно-морскую комиссию, на которую возлагалась обязанность определить состав и состояние трофейного немецкого флота, попытаться разделить его, а свои на этот счет соображения представить правительствам.

Нужно было спешить, так как немецкий флот оставался без надлежащего призора. Еще в Берлине я внес предложение назначить в комиссию адмирала Г. И. Левченко, учитывая, что он уже имел дело с иностранными кораблями, когда принимал в 1944 году в Англии линкор, эсминцы и подлодки в счет трофейного итальянского флота. Помощником к нему был назначен инженер контр-адмирал Н. В. Алексеев.

Давая указания адмиралу Г. И. Левченко, я подробно рассказал ему, как трудно разрешался вопрос о немецком флоте на Потсдамской конференции, и высказал мне-

ние, что американцы и в Берлине во время работы комиссии будут придерживаться по отношению к нам благожелательной позиции, что они охотнее передадут часть трофейного флота нам, а не своему старому сопернику на море — Англии. Это полностью подтвердилось в ходе работы комиссии.

«Видимо, самым спорным будет искусственно поставленный англичанами вопрос: как разделить флот на три совершенно равные части?» — говорил я Г. И. Левченко, советуя ему в крайнем случае прибегнуть, как и было решено в Потсдаме, к жеребьевке. Совет пригодился.

От Соединенного королевства в комиссию были назначены вице-адмирал Д. Майлс и контр-адмирал В. Пэрри. Джэфри Майлс был мне уже знаком, поскольку в самые первые дни Отечественной войны он работал в Москве и неоднократно заходил ко мне. До этого он командовал линейным крейсером «Родней», значит, человек он строевой, и с ним можно было договариваться без особых дипломатических тонкостей.

Военно-морские силы США выделили в комиссию вице-адмирала Р. Громли и коммодора Х. Рэя. С их стороны я не ожидал большого противодействия, и, как потом рассказывал мне Г. И. Левченко, Р. Громли действительно чуть ли не в первый день в частной беседе за столом заявил: «Я на вашей стороне».

Предстояла огромная работа. Комиссия с помощью инспектирующих групп прежде всего должна была установить, где и какие корабли бывшего немецкого флота находятся, в каком они состоянии. В течение всей войны и особенно в месяцы агонии фашистского рейха немецкие корабли оказались в портах и военно-морских базах многих иностранных государств или в оккупированной зоне Германии.

Собравшись в Берлине 14 августа 1945 года, комиссия приступила к работе. Преодолев большие трудности, ее участники наконец составили три списка боевых кораблей по группам. В группу «А» вошли исправные корабли, в группу «В» — корабли, требующие ремонта в течение не более шести месяцев, в группу «С» — все остальные — боевые и вспомогательные суда. Отправным пунктом при этом служили различные секретные и открытые данные о том, чем владеет Германия на море. Были исписаны горы бумаг, заслушаны сотни свидетелей и осмотрены тысячи больших и малых кораблей в различных портах и базах.

Д. Майлс, по-видимому, честно выполняя задание своего начальства, старался, как только мог, затормозить дело. Так, он выдвинул предложение произвести дележ кораблей не только по их классам, но и по стоимости. Вот тут уж поистине открылась бы широкая возможность вести переговоры до «второго пришествия». Узнав об этом из доклада Г. И. Левченко, я стал категорически возражать против этих новых затяжек. Американский представитель не настаивал на этом, и вице-адмиралу Д. Майлсу пришлось пойти на уступки. Тут же было решено составить отдельные списки сначала для крупных кораблей, затем для малых и вспомогательных, исправных и требующих ремонта и в каждом случае бросать жребий. Впоследствии Гордей Иванович Левченко рассказывал мне, что Майлс, хотя и чинил много препятствий на первом этапе работы, но когда приняли решение кидать жребий, то с удовольствием выполнял эту процедуру и всегда приносил свою шапку, куда клались три билета: X, Y и Z, которыми обозначались списки судов.

Поработав несколько месяцев (с 14 августа по 6 декабря), комиссия в конце концов представила свои рекомендации, и вскоре после этого, в январе 1946 г., было подписано англо-советско-американское коммюнике, в котором говорилось: «1. На Берлинской конференции было принято решение, что годные к использованию надводные суда германского флота, включая суда, которые могут быть приведены в состояние годности в течение установленного времени, вместе с 30 подводными лодками будут поровну разделены между тремя державами и что остаток германского флота должен быть уничтожен. 2. Соответственно была назначена тройственная военно-морская комиссия для представления рекомендаций по выполнению этого решения. Эта комиссия представила недавно доклад правительствам трех держав. В настоящее время ее доклад рассматривается этими правительствами, а ее рекомендации о распределении основных судов приняты, и в настоящее время производится раздел судов между тремя державами. 3. Излишние подводные лодки в портах Соединенного королевства потоплены в соответствии с этим соглашением».

Однако на деле это вовсе не означало, что все разногласия были устранены. И теперь, перечитывая «Доклад Тройственной военно-морской комиссии» своим правительством, можно заметить, как представители Соединенного королевства затевали, например, дискуссию о том, являются ли плавкраны, лихтеры, баржи частью флота и не следует ли их отнести к портам и базам, чтобы не подвергать изъятию и разделу. Некоторые из разногласий так и не были решены, потонув в дипломатической переписке, но главное было уже позади. Чем же можно объяснить позицию американцев? Мне думается, что причина кроется в том, что США были в какой-то мере заинтересованы в выступлении Советского Союза против Японии и той огромной помощи, которую могли оказать им (и оказали) наши Вооруженные Силы.

Вызванный в Москву адмирал Г. И. Левченко — было это, помнится, в январе 1946 г. — доложил, что главной задачей теперь является как можно быстрее перевести принадлежащие нам корабли в советские порты на Балтике или Черном море.

В результате работы тройственной военно-морской комиссии было установлено, что в августе — сентябре 1945 г. в составе немецкого флота числилось 2 032 боевых корабля. Из них 1 188 — подводных лодок. 768 подводных лодок, по сведениям комиссии, были потоплены во время боевых операций и 225 затоплены или повреждены в базах. Остальные находились в различной степени готовности или в ремонте. Только 30 подводных лодок комиссия предложила разделить, а остальные было решено уничтожить, что и одобрили правительства. Вспомогательных судов было зарегистрировано 2 109, из которых 1 339 подлежали разделу.

В результате деления союзники получили боевых кораблей: СССР — 155, США — 149, Англия — 148. Из них в числе боевых кораблей к СССР отошли крейсер «Нюрнберг», 4 эскадренных эсминца типа «Зет» и 6 миноносцев типа «Т». Вспомогательные суда были разделены так: СССР — 501, США — 441, Англия — 397. Приемка и доставка трофейного имущества бывшего немецкого флота затянулась на целый год и закончилась лишь летом 1946 года.

Несколько слов о том, как вели себя команды немецких кораблей. Я ожидал худшего. Зная о национализме немцев вообще и военнослужащих в частности, я имел основания ожидать, что они попытаются уничтожить отдельные корабли подобно тому, как в 1919 г. они затопили их в английской базе Скапа-флуу, когда встал вопрос о передаче их англичанам. Еще будучи в Потсдаме, я присматривался к жителям капитулировавшей Германии и, признаюсь, немало удивлялся. Не чувствовалось никакой озлобленности. Повсеместная покорность и, казалось, злоба больше на свое бывшее фашистское правительство, чем на войска союзников. «В чем дело?» — думал я. Видимо, усталость и апатия военных лет сменились другим, относительно радостным чувством: война окончилась. Население спокойно вставало в очереди за продуктами.

Ну, это гражданское население. Военные моряки, во всяком случае офицеры, как предполагал я, поведут себя иначе. Предупредил об этом адмирала Г. И. Левченко. На самом деле все было по-другому. Немецкие команды уже тралили мины. Укомплектовывали подлежащие переводу в Советский Союз корабли и выполняли все приказы наших представителей. Сообщения от Г. И. Левченко подтверждали, что, кроме отдельных выходов пьяных немецких офицеров, никакого организованного противодействия нам не оказывалось. Даже, напротив, выдаваемые за хорошее отношение к делу пакеты с продуктами вызвали своего рода рвение к лучшему выполнению наших приказаний. Больше всего опасения в этом смысле у меня вызывали такие крупные корабли, как крейсер «Нюрнберг» и эсминцы. За ними было установлено особое наблюдение. На каждый крупный корабль назначались два наших офицера и один инженер-механик. Трофейные корабли собирались в Любеке, затем проходили необходимую проверку и после этого направлялись по назначению. Первые флотилии были готовы к выходу в море в конце октября 1945 года. Крейсер «Нюрнберг» должен был в начале 1946 г. совершить переход в наши воды. Я колебался поручить управление кораблем немецкому командиру, но после успокоительных докладов согласился сделать это. В день перехода я особенно беспокоился. Как назло, в часы подхода корабля к бухте там разбушевался шторм и сильно затруднял проход крейсера длинным узким каналом с моря в гавань, и как приятное облегчение я получил телеграмму об умелом маневрировании немецкого командира, поставившего корабль на место в сложной метеорологической обстановке. Довольный, я приказал поощрить его усиленной порцией продуктов и водки.

В таком же духе шла приемка и перевод всех остальных трофейных кораблей и вспомогательных судов.

Полученные корабли не имели большого боевого значения. Все же они оказали нам известную помощь в подготовке личного состава и пополнили наши тыловые организации вспомогательными судами. Некоторые из них долго плавали в составе наших флотов, напоминая о тяжелой войне и трудной победе. Как известно, в то же время происходило деление немецкого трофейного торгового флота. Это заслуживает особого описания, как и судьба трофейного флота, подлежавшего по условиям соглашения уничтожению.

Еще до Потсдамской конференции советские части во исполнение решений Крымской конференции стали перебрасываться на Восток. Предстояло сокрушить Квантунскую армию, которая по-прежнему стояла в Маньчжурии. Маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский и К. А. Мерецков уже были на Дальнем Востоке и заканчивали последние приготовления. Маршал А. М. Василевский, получив последние указания, должен был вылететь в Читу и там развернуть свой штаб для координации всех усилий фронтов и Тихоокеанского флота.

По пути из Потсдама я успел еще захватить в Либаву и Ригу, но задерживаться там уже не было времени. 6 августа мне также предстояло отправиться на Дальний Восток...